

Александр КИБОВСКИЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКА

Одной из славных страниц отечественной военной истории по праву считается оборона Петропавловска в годы Крымской войны. Наш журнал уже обращался к событиям августа–сентября 1854 г., но в №5/2004 мы уделили основное внимание изложению английской версии событий. Конечно, для понимания происходивших у берегов Камчатки событий надо знать и взгляд на них со стороны бывших противников. Но ограничиваться этим явно не стоит, поэтому вниманию читателей предлагается исследование, дающее взвешенную оценку, но, естественно, с упором на отечественные источники. В соответствии с ними, даты приводятся преимущественно по старому стилю. При этом следует учитывать одно любопытное обстоятельство.

В отечественной и зарубежной историографии, посвященной обороне Петропавловска, существует разнотечение в датах на 1 день. Во всех российских рапортах, журналах и документах указано, что основные бои произошли 20 и 24 августа по старому стилю — то есть 1 и 5 сентября по новому. Однако за рубежом на основе французских и английских источников приняты даты 31 августа и 4 сентября. Это разнотечение, видимо, объясняется тем, что на плывшей от Гавайских островов эскадре союзников при пересечении линии перемены дат не был прибавлен один день. Русская же датировка является верной.

Существует множество описаний обороны Петропавловска. Но ни одно из них, по мнению автора настоящей статьи, не может считаться достаточно верным. Предлагаемое ниже изложение событий составлено на основе изучения и сравнения различных источников и заметно отличается от официальной версии.

Боевые действия на Тихом океане в 1854–1855 гг. имели свою региональную специфику. Амурский край и Приморье были едва обжиты, да и то в основном благодаря Российской-Американской компании, поддерживавшей через Сибирь торговые контакты со своими колониями на Аляске, Алеутских и Курильских островах. Географическая удаленность и богатые природные ресурсы позволяли компании успешно вести дела, не вступая в конфликт с американскими и английскими коммерсантами. Но назначенный в 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьев считал, что в дальнейшем для надежной защиты торговых интересов необходимо обеспечить военное присутствие России на Тихом океане. В этом деле он нашел верного союзника в лице правителя фактории Российской-Американской компании и Аянского порта капитана 2 ранга В.С. Завойко.

Посетив Камчатку, Муравьев писал: «Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал». Генерал-губернатор сразу оценил стратегическое значение Петропавловска. «Если бы стала в устье Амура русская крепость, равно как и в Петропавловском порте на Камчатке, — докладывал Муравьев императору 15 февраля 1849 г., — и между ними ходила флотилия, а для вящей предосторожности, чтоб в крепостях этих и на флотилии гарнизоны, эки-

паж и начальство доставляемы были изнутри России, то этими небольшими средствами, на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами».

2 декабря 1849 г. по предложению Муравьева император учредил особую Камчатскую область под управлением военного губернатора. На эту должность 15 февраля 1850 г. был назначен капитан 1 ранга В.С. Завойко, который принял активные меры для развития края.

Накануне войны Петропавловск «По переписи 1852 года весь описы-

ваемый городок имел всего 1593 жителя (1177 мужского и 416 женского пола)». Значительную часть жителей Камчатки составляли военные моряки. Еще 9 ноября 1803 г. в Камчатском гарнизонном батальоне кроме пяти сухопутных рот была учреждена одна морская рота. Правда, 9 апреля 1812 г. Камчатский батальон расформировали, а всю военную службу возложили на морскую роту, причисленную к Охотскому флотскому экипажу. Флотскую роту перевели из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань, где ее матросы занимались сооружением порта, строительством флотилии, а также боролись с иностранными браконьерами, охотившимися в российских владениях на китов и китов.

В связи с реформами Н.Н. Муравьева и упразднением Охотского порта, 22 февраля 1850 г. Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту объединили в 46-й флотский экипаж. Но возглавлявший его в 1850–1853 гг. капитан 2 ранга К.В. Фрейганг совершенно запустил дела. В 1853 г. в связи с формированием в Гельсингфорсе нового 28-го флотского экипажа прежний 28-й черноморский экипаж был переименован в 45-й. Соответственно 45-й экипаж в Астрахани стал 46-м, а 46-й на Камчатке — 47-м.

16 декабря 1853 г. новым командиром 47-го экипажа и помощником губернатора Камчатки был назначен капитан 1 ранга А.П. Арбузов. В апреле 1854 г. он добрался

Генерал-адъютант граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (портрет кисти К.Е. Маковского, фрагмент)

до слияния рек Кары и Шилки, где в деревне Лончаково принял назначенные Н.Н. Муравьевым для пополнения 47-го экипажа 400 солдат, выбранных из Сибирских линейных батальонов. Эти «здоровые, сильные и веселые» рекрут-сибиряки не были новичками, как принято считать, а служили уже около четырех лет, хорошо знали пехотный строй и прекрасно стреляли, поскольку более половины из них в прошлом являлись охотниками. Пережидая весенний разлив рек, Арбузов стал обучать своих рекрутов действию рассыпным строем, а также фехтованию на штыках. Наконец, 14 мая отряд Арбузова двинулся в путь на плотах, буксируемых пароходом «Аргунь». Пройдя за месяц Шилку и почти весь Амур, отряд пересек озеро Кизи, вышел на берег Татарского залива и 17 июня достиг русского поста в заливе Де-Кастри. Здесь 333 рекрута были погружены на 10-пушечный транспорт «Двина» и через 35 дней тяжелого плавания по Охотскому морю и Тихому океану достигли, наконец, 24 июля Петропавловска.

Пополнение прибыло очень кстати. 14 июля 1854 г. в Петропавловск с Гавайских островов пришел американский купеческий бриг «Нобл», который доставил Завойко известие, «что между Россией, Англией и Францией объявлена война, что находящиеся в Тихом океане российские порты объявлены в блокаде». В Петропавловске же в это время после отплытия всех судов Камчатской флотилии остался лишь 231 матрос 47-го флотского экипажа, включая команду «Двины», а также инвалидов и портовых мастеровых.

По счастью, в гавани стоял 44-пушечный фрегат «Аврора» 19-го флотского экипажа. Этот корабль под командованием капитан-лейтенанта И.Н. Изыльметьева еще 14 августа 1853 г. вышел из Кронштадта. Совершив изнурительный переход, «Аврора» 19 июня прибыла в Петропавловск, где Изыльметьев решил дать команде отдых. На борту фрегата в это время находилось 14 офицеров, четыре гардемарина, два юнкера, 13 унтер-офицеров, четыре кондуктора морской артиллерии, пять музыкантов, 241 рядовой, семь нестроевых, семь мастеровых (из 3-го рабочего экипажа), младший врач, фельдшер и иеромонах. Вынужденная стоянка была не по сердцу крон-

шадтцам. «Говоря откровенно, — вспоминал мичман Н.А. Фесун, — никто и никогда из служивших на "Авроре" не ждал, чтобы дрянной камчатский городок мог быть атакован значительными силами; все желали поскорее вырваться из Камчатки».

Однако еще 25 апреля 1854 г. в порту Кальяо в Перу британский контр-адмирал Дэвид Прайс получил известие о начале боевых действий против России и назначении его начальником союзной эскадры. Но «Компания Гудзонова залива» («Hudson's Bay Company»), фактически управлявшая канадскими владениями Британии, была заинтересована в продолжении торговых контактов с Российской-Американской компанией. Поэтому русские колонии на Аляске, Алеутских и Курильских островах объявились нейтральными. Корабли Прайса не имели права нападать на них, и им оставалось лишь охотиться за русскими судами в море. После трехмесячных безрезультатных поисков союзники решили предпринять экспедицию против Петропавловска, надеясь застать там всю русскую флотилию. 13 июля из Гонолулу вышли шесть кораблей: английские 50-пушечный фрегат «Президент», 36-пушечный фрегат «Пик» и 6-пушечный пароход «Вираго»; французские 60-пушечный фрегат «Форт», 22-пушечный корвет «Эвридица» («Эридик») и 12-пушечный бриг «Облигадо».

В Петропавловске Завойко, реально оценив опасность, силами 47-го экипажа, моряков «Авроры» и жителей города приступил к строительству береговых укреплений. Не имея возможности перекрыть вход в Авачинскую губу, губернатор все внимание сосредоточил на обороне гавани. Для ее защиты на наиболее важных участках построили семь батарей, к орудиям которых назначили матросов и рекрутов 47-го экипажа.

От акватории Авачинской губы Петропавловскую гавань отделяет узкий мыс длиной около 1200 м и шириной 150 м. Этот мыс образуют две горы — более высокая Никольская (70 м) и расположенная южнее Сигнальная (56 м), — обе с крутыми, почти отвесными обрывами со стороны губы и более пологими склонами к городу, имеющими несколько троп. Слоны гор густо покрывали заросли мелкого кедровника. На Сигнальном мысу (союзники называли его мысом Шахова), которым с юга заканчивалась Сигнальная гора, была построена батарея № 1. Фактически ее пришлось выдолбить в камне, в связи с чем не удалось добиться нужной глубины укрытия. На батарее установили два двухпудовых бомбических и три 36-фунтовых орудия. Возглавил батарею лейтенант П.Ф. Гаврилов, под командой которого находились 63 нижних чина. На перешейке между Сигнальной и Никольской горами была устроена батарея № 3. Для ее вооружения 3 августа с правого борта «Авроры» свезли пять длинных 24-фунтовых пушек. Командовал батареей лейтенант князь А.П. Максутов, имевший при орудиях 51 нижнего чина.

С противоположной, северной стороны, Никольская гора спускалась к болотистому Култушному озеру. Между озером и горой со стороны берега шла широкая дорога, которая, огибая подошву горы, вела прямо в город. Для защиты этих подступов на берегу была построена земляная батарея № 7. Для ее вооружения с «Авроры» взяли пять коротких 24-фунтовых пушек. Батарею и 49 нижних чинов возглавил капитан-лейтенант В.К. Кораллов с «Двины». Чтобы предотвратить прорыв неприятеля с тыла по дороге в город, возле озера была построена батарея № 6 с четырьмя 18-фунтовыми и шестью 6-фунтовыми пушками. Она строилась на случай падения

Адмирал Василий Степанович Завойко
(портрет кисти Н.Н. Блинова)

батареи № 7 и считалась тыловой. Поэтому ее командир поручик Корпуса корабельных инженеров К.Я. Гезехус имел всего 31 человека, да и то набранных к пушкам из писарей морского ведомства, которые были «обучены действовать оными, равно как и ружьем».

По фронту гавань отделялась от губы узкой песчаной трехсотметровой косой шириной 30–35 м, едва поднимавшейся из воды. У этой косы, прозванной Кошкой, левым бортом встали «Аврора» и «Двина». Коса защищала их ватерлинию, не препятствуя при этом вести огонь. Таким образом, вход на рейд оброняли 22 орудия «Авроры», и еще пять 18-фунтовых коротких пушек «Двины». Узкий, шириной около 80 м вход в гавань между Кошкой и Сигнальной горой перегородили деревянным боном на цепях. Кроме того, у основания Кошки была построена мощная батарея № 2 из одной длинной 24-фунтовой пушки с «Авроры» и 10 36-фунтовых орудий. Командир батареи лейтенант князь Д.П. Максютов и его помощник гардемарин В.Д. Давыдов возглавляли 127 нижних чинов.

Для дополнительной обороны подступов к Кошке южнее Петропавловска на возвышенности, называемой Красный Яр, устроили батарею № 4. Расположенная недалеко от городского кладбища, она могла обстреливать вражеские корабли при их маневрировании напротив Сигнального мыса, а также поражать союзников с фланга в случае попытки прорваться в гавань. Для вооружения бата-

реи с «Авроры» отправили три длинные 24-фунтовые пушки с мичманом В.И. Поповым и гардемарином Г.Н. Токаревым. На Красном Яру Попов принял под командование 28 нижних чинов. Батарея № 5 была устроена непосредственно на берегу Петропавловской гавани из пяти старых медных пушек на случай прорыва вражеских кораблей через Кошку. Во время сражений она бездействовала и не имела команды.

Для отражения вражеского десанта Завойко составил из рекрутов и матросов 47-го экипажа 1-й портовый стрелковый отряд мичмана Д.В. Михайлова (49 чел.) и 2-й портовый стрелковый отряд полице-мейстера подпоручика ластовых экипажей М.Д. Губарева (50 чел.). Кроме того, для тушения пожаров сформировали 3-й портовый отряд поручика Корпуса флотских штурманов Кошелева (69 чел.) и отряд волонтеров из чиновников и купцов, вооруженных ружьями со штыками (18 чел.). На «Авроре» приготовились к бою одна стрелковая и три абордажные партии. Для защиты города также собрались 20 местных охотников-камчадалов, среди которых выделялся стариk Дурынин, убивший за свою жизнь более 40 медведей. Всего в распоряжении Завойко находились четыре штабофицера, 37 обер-офицеров и 879 нижних чинов и волонтеров.

Губернатор вовремя завершил приготовления. 17 августа 1854 г. к Авачинской губе подошла эскадра союзников. Контр-адмирал Прайс решил лично провести разведку, прибегнув

к хитрости. На пароходе «Вираго» подняли американский флаг, и в 16:30 он вошел в Авачинскую губу. Но защитники Петропавловска еще утром заметили союзную эскадру и приготовились к встрече непрошенных гостей. В городе ударили тревогу, а навстречу пароходу выслали дозорный вельбот. В 17 часов «Вираго», не доходя три мили до Сигнального мыса, остановился и затем ушел в море.

На следующий день стоял полный штиль. Лишь около 16 часов союзная эскадра смогла войти в Авачинскую губу и двинулась кильватерной колонной мимо Сигнальной горы. Шедший впереди пароход «Вираго», приблизившись к Сигнальному мысу, выстрелил из носового орудия. В ответ открыли огонь батареи № 3 и № 1. Затем вступили в бой батареи № 2 и № 4, но их ядра не долетали до врага. Несколько минут продолжалась перестрелка. Союзники сделали около 15 выстрелов ядрами и бомбами, причем три бомбы перелетели через Сигнальный мыс и разорвались в воздухе. Осколки двух бомб упали недалеко от «Авроры». В свою очередь защитники города метким выстрелом с батареи № 1 попали бомбой в корму парохода «Вираго». После этого противник отвернулся на запад, вышел из зоны огня и встал на якорь. Вечером Прайс собрал на военный совет французского контр-адмирала Февре де Пуанта и командиров кораблей. Чтобы открыть вход в гавань со стороны Кошки, решено было на следующий день разгромить фрегатами «Президент» и «Форт» батарею № 1, в то время как фрегат «Пик» должен был подавить огнем батарею № 4, а с парохода высадиться десант для её ликвидации.

Утром 19 августа эскадра союзников приготовилась к штурму Петропавловска. «Вираго» взял на буксир «Пик» и собирался пришвартовать «Форт». Но тут произошло совершенно неожиданное событие. На «Президенте» адмирал Прайс, «пройдясь по палубе с капитаном Бьюориджем, своим флаг-капитаном, и поговорив с ним о принятых диспозициях, спустился в свою каюту, которая по случаю предстоящего сражения не отделялась переборкой от батареи, открыл шкаф, вынул оттуда пистолет, зарядил и, прицелив к сердцу, выстрелил. Несмотря на поданную помощь, через несколько часов он умер».

До сих пор остается загадкой, что произошло на самом деле. Нам более правдоподобной все-таки кажется версия о том, что контр-адмирал Прайс стал жертвой несчаст-

**Бомбардировка Петропавловска союзной эскадрой 1 сентября 1854 г.
Хромолитография 1856 г. из флорентийского альбома «Восточная война»**

5

Оборона Петропавловского порта на Камчатке 24 августа 1854 г. (копия с картины художника А.П. Боголюбова 1865 г.)

тного случая. Решив перед боем вооружиться пистолетами, он при их осмотре невольно выстрелил в себя. Но большинство свидетелей объясняют все нервным срывом, вызванным общими неудачами кампании и грузом колоссальной ответственности. В этом случае адмирал, по верному замечанию офицера фрегата «Пик» Клерка, «поставил эскадру в ситуацию, не имевшую аналогов в британской морской истории». При общем замешательстве командование союзниками принял «храбрый, честный, но не пользовавшийся популярностью» французский контр-адмирал де Пуант. Британские корабли возглавил по старшинству капитан «Пика» Ф. Николсон. Атаку пришлось отложить до следующего дня.

На рассвете 20 августа защитники Петропавловска заметили приготовления союзников к бою. Около 6 часов «Вираго» развел пары. С фрегата «Президент» на пароход прибыли морские пехотинцы под командованием капитана Ч.А. Паркера, к которым присоединился отряд французских матросов. Всего для десанта собралось 150 человек. Около 8 утра «Вираго» пришвартовал к левому борту фрегат «Пик», к правому «Форт», а «Президента» взял на буксир.

Готовились и русские. Завойко скрытно разместил в кустах на высоте между батареями № 2 и № 4 отряд волонтеров и 1-й портовый

стрелковый отряд. 2-й портовый стрелковый отряд занял позицию у Сигнальной горы. 3-й портовый отряд с пожарными инструментами расположился в городе около гауптвахты. В случае десанта «по отрядам приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови». На батарее № 1 отслужили молебен о даровании победы. После молебна Завойко обратился к команде батареи № 1 с речью, которую завершил словами: «Многие из нас умрут славною смертью, последняя молитва наша должна быть за царя». Воодушевленные моряки пропели «Боже, царя храни». Гимн, разнесшийся над бухтой, был встречен дружными криками «Ура!» по всем батареям, отрядам и на судах.

Союзники тоже слышали пение и крики русских и приняли их за сигнал к сражению. Около 9 утра, поборов отлив, «Вираго» расставил фрегаты на позиции в кильватерном строю. Первым на шпринг встал «Пик», через 1,5 кабельтовых «Президент», а за ним «Форт». Позиция была выбрана очень удачно. Фрегаты могли бить по батареям № 1, № 2 и № 4. При этом Сигнальный мыс скрывал их от орудий «Авроры» и «Двины», а гора препятствовала действию батареи № 3. Сначала основной огонь фрегаты сосредоточили на батарее № 1. Положение защитников осложнялось тем, что

вражеские ядра, ударяя в скалу, разили моряков осколками камня и щебнем. В 09:45 Завойко сообщили, что командир батареи лейтенант П.Ф. Гаврилов ранен камнем в голову и ногу, но не оставил позицию. В помощь ему был послан подпоручик М.Д. Губарев. Вскоре они донесли, «что из команды, кроме убитых, много раненых каменьями, у орудий повреждены брюки и станки и что на платформу навалило ядрами каменья и землю так, что действовать орудиями невозможно».

С командного пункта на Сигнальной горе Завойко лично отправился на батарею № 1, где застал полный разгром. В этот момент с Сигнального мыса заметили, как три гребных бота с десантом направляются от «Вираго» к батарее № 4, также подвергшейся усиленному обстрелу. Находившийся на ней гардемарин Г.Н. Токарев записал в своем дневнике: «Тут уж ничего не было видно. Все застлано было дымом; помню только, что свист ядер не переставал над нашими головами, бомбы трескались в воздухе, в кустах, в валу батареи. Кланялись сперва ядрам, потом сделалось все равно. Всеми овладела неимоверная злоба». Полтора часа мичман В.И. Попов мужественно выдерживал вражеский огонь и лишь «по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни одного человека из своей команды».

Увидев с Сигнального мыса вражеский десант, Завойко приказал оставить батарею № 1, заклепав разбитые орудия. Ее личный состав под руководством М.Д. Губарева перенес оставшиеся заряды на батарею № 2, после чего присоединился к 2-му портовому стрелковому отряду. Вместе они поспешили вслед за 1-м портовым стрелковым отрядом и волонтерами мичмана Д.В. Михайлова к батарее № 4. Одновременно всем офицерам и морякам не участвовавших в сражении батарей № 3, № 6 и № 7 Завойко приказал, оставив у пушек по два человека, сбраться к батарее № 2 для отражения десанта. Сюда же по приказу губернатора с «Авроры» высадилась стрелковая партия мичмана Н.А. Фесуна (унтер-офицер и 30 матросов). К 11 часам отряды собрались вместе, но, не имея общего начальника, нерешительно толпились на берегу. Завойко же в это время отправился в город, чтобы привести 3-й портовый отряд.

6 Десантники капитана Паркера благополучно высадились, построились и двинулись через густой кустарник к батарее № 4. Прикрывая их, «Вираго» осыпал берег бомбами и картечью. В виду неприятеля защитники батареи спрятали порох, заклепали орудия и в 10:45 отступили через кусты к кладбищу, навстречу 1-му портовому стрелко-

вому отряду и отряду волонтеров. С кораблей союзников тоже заметили русских. Для подкрепления Паркера отправились команда матросов с «Пика» и десантная рота с «Форта». Всего на берегу собралось несколько сотен англичан и французов. В 11 часов они захватили батарею. Но ликование было недолгим. «Французы, вскочив первыми на Красный Яр, битком наполнили батарею и при восторженных кликах подняли французский флаг; — вспоминал мичман Фесун, — только что он развился, как бомба с английского парохода, ударясь в самую середину массы, произвела в ней страшное замешательство. Прежде, чем бедные французы успели опомниться от счастливой для нас ошибки своих милых союзников, транспорт [«Двина»] и фрегат [«Аврора»] открыли по ним меткий батальный огонь». Два удачных ядра с «Авроры» и одно с «Двины» доверили общую неразбериху.

В это время десантники увидели идущие через кладбище отряды Михайлова и Губарева. Кроме того, от Кошки, наконец, двинулись собранные Завойко стрелки. Изрубив у орудийных станков оси, брюки и тали, сломав у пушек прицелы и ударные молотки, союзники стали отступать к своим ботам. Моряки 1-го и 2-го портовых отрядов, волонтеры и канониры В.И. Попова преследовали

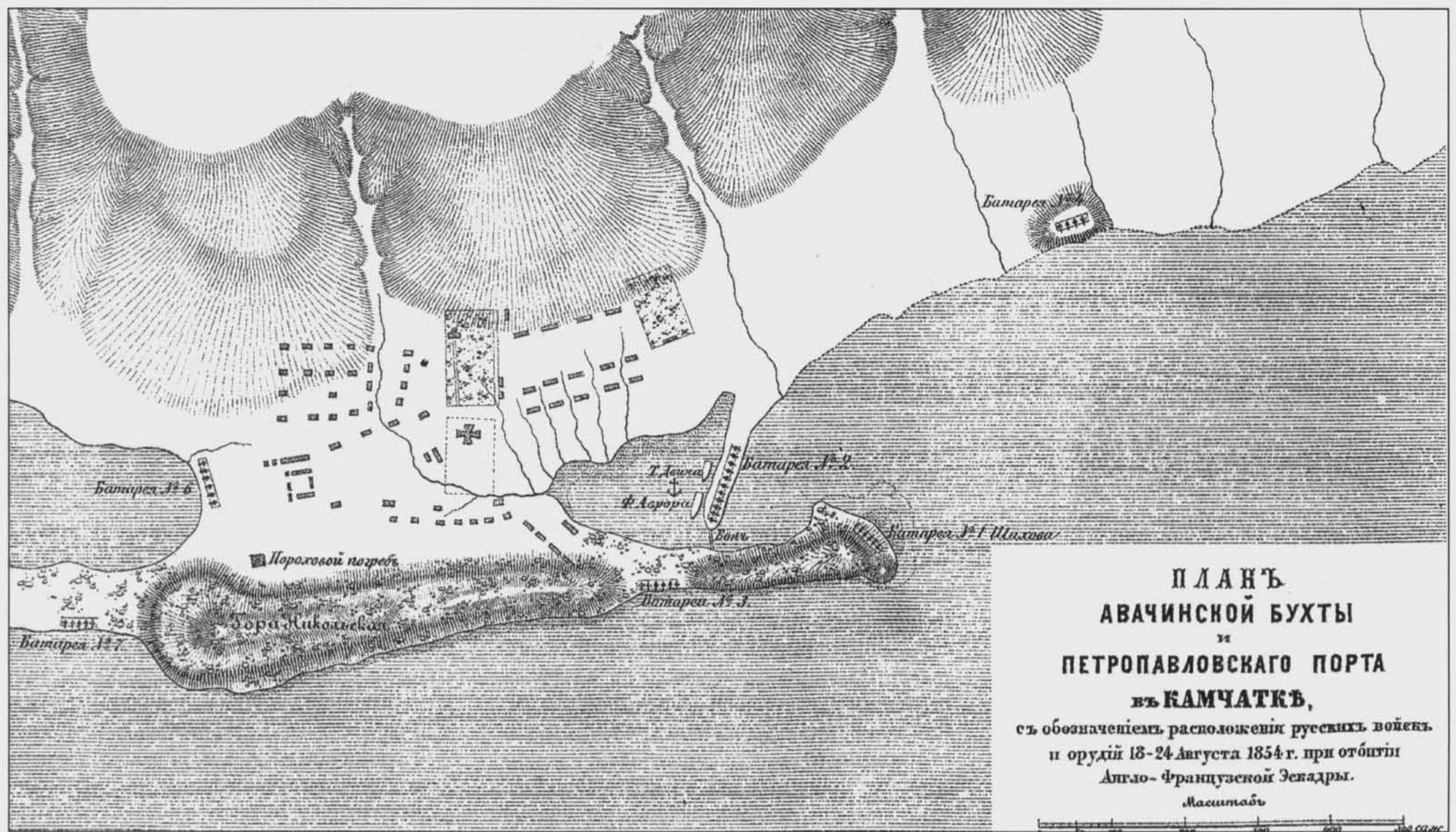
их с громким «Ура!». Но «неприятель начал отступление бегом и с такою быстротою, что, прежде чем мы подоспели к занятой им батарее, он уже был в шлюпках и вне выстрела, так что, несмотря на самое пламенное желание, в этот раз не удалось его попотчевать даже ружейными выстрелами. Крики "ура" всего гарнизона были наградой за наше стремительное наступление». В 11:45 «Вираго» отконвоировал 13 десантных шлюпок к фрегатам, которые снова открыли огонь по Красному Яру. Завойко приказал стрелкам вернуться в город и занять свои места на батареях.

Не участвовавшие до того момента в бою «Эвридика» и «Облигадо» двинулись к батарее № 3, команда которой, убывшая с князем А.П. Максутовым к батарее № 4, еще не вернулась. В связи с этим в 12:45 с «Авроры» на батарею отправились лейтенант Е.Г. Анкудинов, прапорщик морской артиллерии Николай Можайский, кондуктор и 57 матросов. Выстрелами из орудий они заставили французов, уже приготовивших десантные боты, отойти. Одну шлюпку удалось разбить метким попаданием. В 13:30 на батарею вернулся князь Максутов со своими людьми, а команда Анкудинаша ушла на «Аврору».

Между тем фрегаты «Форт» и «Президент», пользуясь молчанием батарей № 1 и № 4, подошли ближе к Сигнальному мысу («Пик» остался на прежнем месте, которое занял с утра, в связи с чем практически не мог участвовать в сражении, стреляя только большим калибром) и, по-прежнему укрываясь за ним от пушек «Авроры» и «Двины», стали с большой дистанции бомбардировать батарею № 2. Ее орудия не могли достать противника, поэтому князь Д.П. Максутов не отвечал на вражеский огонь и приказал команде лечь. «Сберегая людей за бруствером в то время, когда батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами, — доносил Завойко, — князь Максутов сам подавал пример неустранимости, ходил по батарее и ободрял команду, выжидая времени, когда фрегат «Форт», бывший к батарее ближе других фрегатов, травил кормовой кабельтров и приближался к батарее. Князь Максутов посыпал меткие выстрелы, распоряжаясь как на ученье; батарея стреляла с расстановками, но метко, не тряся даром пороха, которого было очень мало; все усилия трех фрегатов и парохода заставить замолчать батарею остались тщетными». За мужество, проявленное 20 августа 1854 г., князь Д.П. Максу-

Знамя британской морской пехоты, захваченное защитниками Петропавловска при отражении десанта союзников 24 августа 1854 г. Компьютерная прорисовка полотнища (135×105 см), хранящегося в Государственном Эрмитаже

тов был впоследствии награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

От огня русских батарей все участвовавшие в сражении корабли союзников имели повреждения в корпусах и рангоуте. Больше всех пострадал фрегат «Форт». Одно из ядер влетело на его квартер-дек, убив матроса и ранив семь человек. Дважды из-за Сигнального мыса выходил пароход «Вираго» и пытался бомбардировать город. Но каждый раз «Аврора» быстро прогоняла его меткими выстрелами. Всего с нашего фрегата 20 августа 1854 г. сделали 124 выстрела. «Двина» по пароходу не стреляла, поскольку ее пушки до него не добивали. Для сравнения, только «Форт» в этот день сделал 869 выстрелов. В 18 часов союзники прекратили обстрел, и сражение завершилось. Потери защитников составили шесть нижних чинов убитыми (два — на батарее № 1, четыре — на батарее № 2), ранения получили лейтенант П.Ф. Гаврилов и 12 нижних чинов (шесть — на батарее № 2). В 19 часов Завойко приехал на «Аврору», поблагодарил команду и, собрав офицеров, объявил намерение защищаться до последней крайности. Экипаж единодушно ответил: «Умрем, но не сдадимся!».

Вечернее совещание союзников прошло не слишком дружно. В целом им удалось решить задачи дня: батареи № 1 и № 4 были разгромлены, а батарея № 2 сильно повреждена. Но французские офицеры стали обвинять англичан в нерешительнос-

ти. Де Пуант припомнил Николсону странное поведение «Пика» во время боя «Форта» и «Президента» с батареей № 2. Тот в свою очередь упрекнул французского адмирала в отсутствии должных инструкций и руководства. В конце концов, раздосадованный де Пуант склонился к мысли о прекращении операции и уходе в Сан-Франциско. Весь следующий день 21 августа корабли исправляли полученные в бою повреждения. Вечером пароход «Вираго» отправился в Тарьинскую губу, где с салютом похоронили контр-адмирала Прайса. Во время этого траурного вояжа произошло событие, в корне изменившее планы союзников. В прибрежном лесу англичане схватили двух американских матросов, посланных за дровами со стоявшего в Петропавловске торгового судна. Пленников доставили на «Пик», где они подробно рассказали капитану Николсону о городе, а также об удобной дороге, ведущей к нему с тыла от господствующей над гаванью Никольской горы.

Николсон, уязвленный обвинениями французов, решил взять реванш. Он предложил де Пуанту захватить Петропавловск, высадив десант в тылу русских батарей. Контр-адмирал поначалу возражал, справедливо считая такую операцию слишком рискованной. Но, в конце концов, не желая прослыть трусом, тем более в глазах англичан, он согласился. После полудня 4 сентября командиры кораблей собрались на военный со-

вет и выработали план атаки. Решено было разгромить огнем батарею № 7, после чего высадить 700 человек — поровну с каждой стороны. 350 англичан возглавлял капитан «Президента» Р. Бьюорридж, а 350 французов — капитан «Эвридики» М. де ля Грандье. Авангард десанта из 120 морских пехотинцев и взвода французских стрелков под командованием капитана Паркера должен был занять Никольскую гору. На ее вершине Паркер планировал соединиться с колонной из 120 матросов «Облигадо» и «Вираго», которым поручалось обойти гору вдоль по берегу и подняться на нее с южной стороны. Одновременно сильной английской колонне моряков с «Пиком» и «Президентом» под руководством Бьюорриджа следовало двинуться по дороге и взять городские батареи. Общий резерв десанта составляли 200 матросов с «Фортом» и «Эвридики» под командованием ля Грандье.

Для десанта требовалось много людей. В связи с этим «Пик» решили оставить у Тарьинской губы, поскольку его тяжелые орудия нуждались в большом числе прислуги. Капитан Николсон с командой перевелился на «Президент». Приказ о десанте экипажи встретили с большим энтузиазмом. Всю ночь они готовились к высадке, не сомневаясь в успехе. Впоследствии защитники города убедились, что союзниками «все до мелочей взято было на шлюпки: гвозди для заклепки ору-

Квартирмейстер 3-й роты 47-го флотского экипажа. 1854–1856 гг.
Иллюстрация по рисунку художника
В.Н. Куликова 2002 г.

дий, различные инструменты для разрушения батарей, завтрак на весь десантный отряд и, сверх того, отдельный запас провизии, предназначенный, вероятно, для временно остающихся гарнизонов в городе; потом, кроме патронов в суме у каждого матроса и солдата, ящики с патронами запасными, несколько тюфяков, одеял; были взяты превосходно снабженные походные аптеки». Командир морской пехоты капитан Паркер позаботился обо всем и даже сделал запись на память: «Не забыть взять десять пар ручных кандалов».

Задачники города тоже готовились к бою. С 21 августа батареи № 1, № 3 и № 4 были переданы в ведение командира «Авроры» капитан-лейтенанта И.Н. Изильметьева. За три дня их пушки были расклепаны и снова установлены, а укрепления

по возможности починены. Командование 4 орудиями батареи № 1 принял бывший командир батареи № 4 храбрый мичман В.И. Попов, а батарею № 4 с 2 пушками поручили опытному кондуктору морской артиллерии Дементьеву. Общее руководство портовыми отрядами принял 23 августа капитан 1 ранга А.П. Арбузов. На «Авроре» абордажные партии также чистили оружие и учились драться на штыках.

Около 4 часов утра 24 августа десантные отряды союзников стали собираться к «Вираго». В 06:30 к пароходу с правого борта пришвартовался «Форт», закрыв его собой от огня русских, а с другой стороны разместились баркасы и шлюпки десанта. На кормовой буксир «Вираго» взял «Президент». Для отвлечения русских сил фрегат «Эвридики» пошел в сторону гавани и затеял перестрелку с батареями № 1 и № 4. В это время пароход двинулся вдоль Сигнальной горы и в 07:30 вошел в зону действия батареи № 3. Князь А.П. Максутов открыл меткий огонь, причинив повреждения рангоуту фрегата. Одно ядро угодило в «Вираго», но, ударив в палубу, отскочило вверх. Поравнявшись с батареей № 3, «Форт» дал три залпа правым бортом. Затем, продолжая путь к батарее № 7, «Вираго» оставил против батареи № 3 фрегат «Президент». Бросив в 8 часов якорь, он обрушил десятки ядер и бомб на батарею. Ее необстрелянная команда пришла в замешательство, но князь Максутов стал хладнокровно заряжать орудие, и его пример успокоил матросов. Князь лично наводил пушки, которые метко били по врагу. Вторым выстрелом на «Президенте» был сбит гафель, и английский флаг упал в воду, следующее ядро перебило фок-рею, затем русские ядра стали крушить стеньги, ванты, корпус фрегата. Осколком дерева ранило командовавшего артиллерией гон-дека лейтенанта Моргана.

Полчаса продолжался неравный бой. В конце концов, фрегат одержал верх. Батарея была разбита, половина прислузы переранена, а князю Максутову ядром оторвало левую руку. Лейтенанта унесли в госпиталь, а вместо него на батарею с «Авроры» отправился мичман Н.А. Фесун в сопровождении боцмана Суровцева. Пока они съезжали на берег, «Президент» продолжал громить замолчавшую после потери командира батарею. Прибыв на нее в 08:30, Фесун застал печальную картину: «Весь перешеек совершенно изрыт, изрыт до того, что не было аршина земли, куда не попало бы ядро <...> Станки перебиты, платформы засыпаны

землей, обломками, одно орудие с оторванным дулом, три других не могут действовать; более половины прислузы ранены и убиты <...> Подхожу к оставшемуся орудию, прислуза его идет за мной, но и неприятель не зевал, он делает залп за залпом, в несколько секунд оно подбито, некоторые ранены обломками, и все мы в полном смысле слова осыпаны землей». Видя полную невозможность продолжать бой, Фесун приказал убрать порох, а людям укрыться.

Тем временем Завойко и Арбузов организовывали сухопутную оборону города. Сначала, предполагая повторение атаки 20 августа, губернатор послал 1-й портовый стрелковый отряд мичмана Д.В. Михайлова на прежнюю позицию. Но когда определилось движение вражеских кораблей к батарее № 3, он приказал отряду вернуться и встать левее порохового погреба, находившегося недалеко от подошвы Никольской горы. В то же время 2-й портовый стрелковый отряд подпоручика М.Д. Губарева и 15 волонтеров заняли вершину северного спуска Никольской горы. 3-й портовый отряд расположился в резерве у порохового погреба, возле которого Завойко основал свой командный пункт. В 08:15 к погребу с «Авроры» прибыла 1-я абордажная партия лейтенанта Е.Г. Анкудинова — гардемарин Д.И. Кайсаров, боцманмат Абрам Серешкин, горнист и 33 матроса.

Меж тем «Вираго» и «Форт» поравнялись с земляной батареей № 7. Встав на шпринг, фрегат открыл огонь и к 08:30 заставил ее замолчать. У четырех орудий были повреждены станины, у одного — оторвана часть дула, все пушки засыпаны землей и разбитыми фашинаами. Капитан-лейтенант В.К. Коралов получил контузию осколком дерева в голову, но остался на батарее. Вскоре по приказу Завойко он с командой отступил к пороховому погребу. Союзники, добившись успеха, в 08:30 начали высадку десанта. 22 лодки отвалили от «Вираго» и на веслах устремились к берегу. Плавшие на передовых ботах морские пехотинцы высадились у подножия Никольской горы южнее батареи № 7. Капитан Паркер быстро собрал своих людей на берегу, после чего, дождавшись лодок с матросами, повел авангард бегом на крутой склон. Высадившийся следом ля Грандье построил в колонну матросов с «Форта» и «Эвридики» и двинулся за Паркером. Матросы «Облигадо» и «Вираго» пошли по берегу вправо в сторону батареи № 3, а Бьюридж с моряками «Пика» и «Президента» отпра-

вился влево к батарее № 7. Вскоре он захватил оставленную батарею, после чего его главные силы занялись поджогом находившегося рядом большого рыбного сарайя. Одновременно передовые дозоры Бьюорриджа стали по дороге обходить северный склон Никольской горы. Всего на берег высадились 676 человек, и пока диспозицию они выполняли успешно.

Увидев движение отряда Паркера, 2-й портовый стрелковый отряд подпоручика М.Д. Губарева и 15 волонтеров спустились с вершины до середины северного склона и встретили неприятеля ружейным огнем из кустов. Но остановить продвижение англичан и французов им оказалось не под силу. В то же время Губарев заметил, как люди Бьюорриджа по дороге обходят гору и грозят отрезать его от основных сил Завойко. В этой ситуации полицмейстер утратил самообладание и вместо обратного отступления вверх по хребту для защиты вершины предпочел оставить гору. Его отряд по восточному склону отступил к пороховому погребу, а волонтеры рассыпались цепью у подножия горы. В 08:45 солдаты Паркера оседлали середину северного склона и увидели Петропавловск. Затем авангард Паркера двинулся вверх по хребту к вершине, а его место заняли моряки ля Грандьера. Они обеспечивали связь Паркера с колонной Бьюорриджа. При этом часть матросов начала спускаться с горы и, открыв ружейный огонь, засыпала пороховой погреб пулями. Одной из них был ранен в ногу находившийся возле погреба инженер-поручик К.О. Мровинский. Увидев англичан и французов на горе, Завойко отозвал волонтеров в резерв и приказал своим отрядам выбить штыками противника с северного склона. Три колонны двинулись в атаку: справа 1-я абордажная партия лейтенанта Е.Г. Анкудинова, по центру 1-й портовый отряд мичмана Д.В. Михайлова и левее его 30 человек 3-го портового отряда поручика Кошелева. Продвигаясь вперед, они в начале 10-го часа вступили в перестрелку с врагом.

Одновременно с приказом об атаке горы Завойко получил сведения об обходном маневре англичан и послал капитана 1 ранга Арбузова на батарею № 6. Прибыв туда около 9 часов, он приказал поручику К.Я. Гезехусу зарядить пушки через одну ядрами и картечью и спрятать писарей за вал. Находившиеся тут же с трехфунтовой полевой пушкой казаки пятидесятника Карапашева нарезали шашками травы и замаскировали батарею. Вскоре на доро-

ге показались шесть вражеских солдат. Арбузов встретил их выстрелом из пушки. Подхватив раненого, англичане отступили к главным силам. Обнаружив батарею, Бьюорридж попытался ее атаковать. Но Гезехус обстрелял англичан ядрами и картечью (а заодно и гвоздями, которые использовали из-за недостатка картечи). Казаки Карапашева тоже стреляли из своей пушки и, хотя пятидесятник был тяжело ранен в руку, он лично сделал меткий выстрел ядром в группу десантников. Храбрые действия писарей и казаков обескуражили Бьюорриджа, который не отважился идти напролом. Вместо этого он с частью отряда поднялся на склон горы и открыл по батарее штучерный огонь. Впоследствии он доносил, что «проход был так сильно защищен не только стрелками, но пушками и полевыми орудиями, что с этой стороны невозмож но было прорваться». Нерешительность Бьюорриджа фактически лишила десант всякого смысла. Без его атаки и взятия города дальнейшее пребывание союзников на берегу становилось не только бесполезным, но и опасным. При этом люди на горе оказывались заложниками ситуации.

Пока главные силы союзников действовали на северном склоне Никольской горы, отряд моряков с «Облигадо» и «Вираго» шел вдоль берега на юг, «чтобы взобраться по возможности на гору, которая с этой стороны представляет почти вертикальную скалу, прорезанную широкими оврагами. Надобно было буквально карабкаться на нее, — вспоминал французский офицер дю Айи, — на что трудно было хладнокровно решиться». Наконец, не доходя до перешейка, союзники нашли крутой подъем из осыпавшегося щебня. «Не за что было придерживаться, а земля так и сыпалась из-под ног идущих людей на следующих за ними. В подобных обстоятельствах водушевление удваивает энергию, и мы скоро взобрались на высоту, и в то же время с другой стороны русские проходили через перешеек». Этими русскими были новые подкрепления, вовремя вызванные Завойко. Еще в 08:30, только получив известие о десанте, губернатор затребовал с «Авроры» 1-ю стрелковую партию. Унтер-офицер Василий Васильев, горнист Малофея Сурикова и 30 матросов высадились возле перешейка, где их встретил мичман Н.А. Фесун. Заметив на вершине горы англичан Паркера, он оставил боцмана Суровцева старшим на батарее № 3, а сам повел партию вверх по южному склону. Вскоре

9

Матрос 19-го флотского экипажа.
1854–1856 гг.
Иллюстрация по рисунку художника
В.Н. Куликова 2002 г.

русские моряки увидели карабкающихся по западному склону матросов с «Вираго» и «Облигадо». Фесун рассыпал своих людей, которые несколько минут расстреливали врагов с удобной позиции. Пуля в сердце сразила мичмана М. Гикеля де Туша с «Облигадо». Рядом пал его брат, пораженный в голову. С трудом добравшись в 10 часов до хребта, моряки «Вираго» и «Облигадо» сумели выровнять ситуацию и, отстреливаясь, стали отступать к вершине на соединение с Паркером.

Видя замешательство врага, Фесун быстро повел цепь вперед по горе, пользуясь складками местности и кустами. В это время на оставшуюся в тылу батарею № 3 с фрегата прибыл состоящий по Адмиралтейству прапорщик Д.О. Жилкин. Собрав 27 матросов прислуки, он повел их на гору левее гребня. Дополни-

тельно с «Авроры» в помощь Фесуну капитан-лейтенант Изыльметьев послал 2-ю абордажную партию (писарь Андрей Кувшинников, унтер-офицер и 30 рядовых). Возглавил ее командир верхнего дека лейтенант К.П. Пилкин, которого Изыльметьев напутствовал словами: «Помните, что русские молодецки ходят в штыки». Переправившись на шлюпках через гавань, партия Пилкина начала подниматься в гору и встретилась с отрядом прaporщика Жилкина. Вместе они двинулись за партией Фесуна.

В то время как Анкудинов, Михайлов и Кошелев должны были атаковать северный склон Никольской горы, а Фесун, Пилкин и Жилкин — южный, в интервал между Кошелевым и Фесуном губернатор двинул 22 человека, подоспевших с гардемарином В.Д. Давыдовым от батареи № 2, а левее их еще 30 человек из резерва во главе с А.П. Арбузовым. Последний отряд при подъеме в гору разделился. Боцман Степан Спилихин, хорошо знавший местность, с 17 матросами 3-го портового отряда пошел вверх по распадку к вершине горы, а Арбузов уклонился левее. Разойдясь с партией Фесуна, он присоединился к отрядам Пилкина и Жилкина. Таким образом, весь восточный склон Никольской горы был охвачен русскими, которые по дуге с севера на юг атаковали врага в следую-

щем порядке: Е.Г. Анкудинов (36 чел.), Д.В. Михайлов (49 чел.), Кошелев (30 чел.), В.Д. Давыдов (22 чел.), С.В. Спилихин (17 чел.), Н.А. Фесун (32 чел.), А.П. Арбузов (13 чел.), К.П. Пилкин (32 чел.), Д.О. Жилкин (27 чел.) — всего 267 человек. В начале 12 часа с «Авроры» послали еще 3-ю абордажную партию лейтенанта И.А. Скандракова (два унтер-офицера и 33 рядовых). Но она подоспела на гору уже после отступления союзников.

Хорошо видя с высоты наступающие русские отряды, капитан ля Грандье решил собрать свои силы на вершине. С моряками «Форта» и «Эвридики» он примкнул к авангарду Паркера. Сюда же, наконец, подошли моряки «Вираго» и «Облигадо». На северном склоне расположилась часть отряда Бьюорриджа. Всего к 10:30 на горе собралось около 500 союзников.

Пока на южном склоне защитники города теснили к вершине моряков «Вираго» и «Облигадо», на северном лейтенант Анкудинов, подойдя к горе, рассыпал первый взвод своей партии налево, а второй направо. В 10:30 второй взвод вместе с примкнувшими к нему из отряда мичмана Михайлова боцмаником Региновым, квартирмейстером Яковом Тимофеевым и пятью матросами выбил неприятеля из ущелья на самом обрыве горы. «Найдя помянутое ущелье весьма

полезным и выгодным по месту положения», Анкудинов оставил в нем часть людей, а остальных повел в гору с криком «Ура!». Левее «Ура!» подхватил отряд Михайлова, а за ним и остальные. В то же время боцман Спилихин дошел по распадку незамеченным почти до самой вершины и внезапно оказался в центре противника, чем вызвал большой переполох. Рекрут 47-го экипажа Сунцов, заметив английского офицера, метким выстрелом уложил его наповал. Пуля прошла под бородой в затылок, и капитан Чарльз Алан Паркер, «мужественный солдат королевы и Христа», мгновенно умер со счастливой улыбкой на лице. Потеряв начальника, морские пехотинцы пришли в замешательство, а матросы, обескураженные выстрелами и криками со всех сторон, совершенно растерялись. «Перенесенный с одной стихии на другую, матрос подвергается странному изменению, — вспоминал с горечью офицер дю Айи, — он, который на корабле раб дисциплины, с удивительным хладнокровием переносит все опасности, совершенно изменяется, лишь только оставит свою плавучую отчизну. Храбрость и добрая воля хотя остаются те же, но, в противность рассказу легенды, касаясь земли, он теряет качества, составлявшие его силу. Увлекаясь впечатлением минуты, не зная требований нового для него рода дисциплины, он не способен к службе, в сущности простой, но изучать которую препятствуют долгие и отдаленные походы. Так и здесь, в виду храброго неприятеля, знакомого с местом действия, с превосходной дисциплиной, это была колossalная ошибка. Мы изведали это горьким опытом».

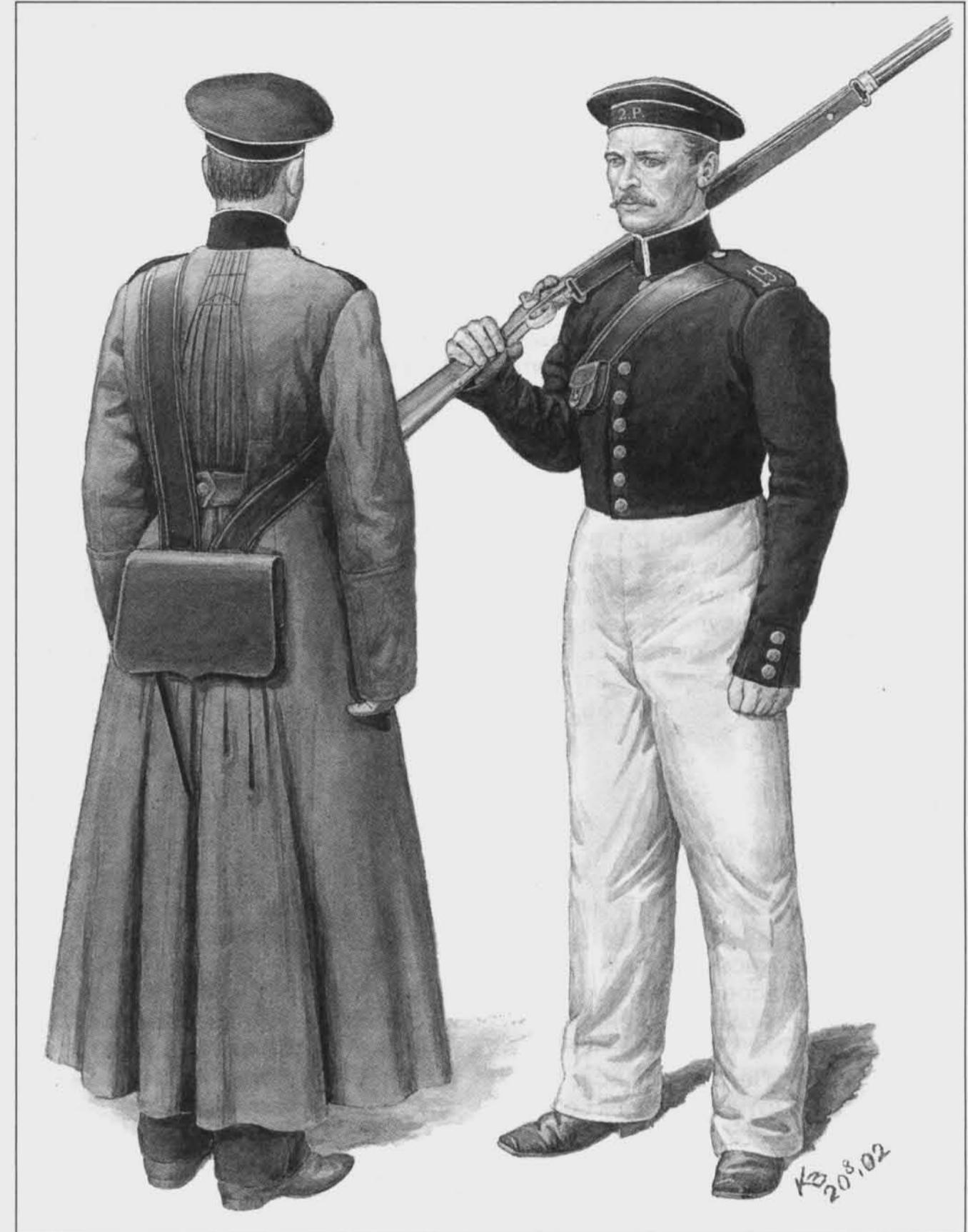
В густом кустарнике русские, французские и британские моряки завязали упорный рукопашный бой. «Представьте себе прекрасный летний день, яркое небо и спокойное море, — писал мичман Фесун. — Огромная Никольская гора покрыта народом, сквозь зелень кустов мелькают красные мундиры англичан, синие и красные рубахи матросов французских и наших; частая дробь ружейного огня слышится со всех сторон, и повсюду изредка раздаются пушечные выстрелы; шум, беготня и смятение удивительные, барабаны бьют наступление, рожки на разные голоса им вторят, крики "ура" сменяются проклятием, и английское "God damn" (распространенное английское ругательство) французскими "En avant" ("вперед") с примесью различных ругательств! Нет тут порядку, наступлений и от-

Лейтенант 19-го флотского экипажа князь Александр Петрович Максутов
(литография 1855 г.)

ступлений; нет ни колонн, ни взводов; для этого не было ни места, ни времени, ни возможности. Вот, например, показалось пять-шесть человек наших, на них бросается такое же число англичан; на мгновенье у этой кучи пальба прекращается, и наступает минутная путаница. Несколько диких криков, заглушенные стоны раненых, какое-то исступленное хрипение, и опять разлетелись все в разные стороны, и опять трещит ружейный огонь, и где-нибудь на другом конце горы новая и еще более кровавая свалка вручную!».

Минут 40 продолжался сумбурный и беспощадный бой в кустарнике. Сухие строки донесений сохранили имена некоторых отличившихся матросов. «Боцманмат Абрам Серешкин, действуя на левом фланге моей партии, своею храбростью и хладнокровием поддерживал связь с партией мичмана Михайлова, — рапортовал лейтенант Анкудинов, — по окончании боя доставил неприятельский тесак лично им в бою взятый. Марсовой Семен Подсамыльев действовал на правом фланге со вторым взводом при занятии ущелья, своим благородствием и храбростью выгнал неприятеля из ущелья. Матросы Герасим Рябинин, Алексей Степанов, Андрей Яковлев, Леонтий Коптяев обратили на себя внимание необыкновенною храбростью. Из них первый при атаке сломал штык, последний заколол штыком английского офицера, а Алексей Степанов отбил от прикрытия помянутого офицера». При этом Степанов был ранен, но остался в строю. Правда, в данном случае не совсем ясно, о каком офицере идет речь. Единственного погибшего английского офицера — капитана Паркера — застрелил речеркнут Сунцов. Возможно, речь идет о ком-то из трех тяжело раненных лейтенантов. «Унтер-офицер Василий Васильев был постоянно впереди и с необыкновенным хладнокровием действовал штыком, — докладывал мичман Фесун, — матрос 1 степени Халил Сайтов, отбиваясь от наскочившей на него толпы английских солдат, троих положил на месте. Матрос Бикней Диндубаев, будучи ранен пулею, продолжал сражаться. Матросы Ивойло Лавров, Гаврило Пузанов и Иван Кислов представили ружья, вырванные из рук пораженных ими французских матросов, и многие другие приносили патроны, амуницию и оружие, взятое с боя». «Унтер-офицер Абубакиров имел четыре раны, хотя и легких, но также из которых кровь лилась ручьями; — свидетельствовал Завойко, — я его сам пере-

11

**Матросы 19-го флотского экипажа. 1854–1856 гг.
Иллюстрация по рисунку художника В.Н. Куликова 2002 г.**

вязывал, а он отправился снова в дело!».

Видя, что дело приобретает дурной оборот, ля Грандьер приказал отступать к берегу. Но боевой порядок был утрачен. Не зная троп, разрозненные группы союзников не могли найти спусков. Преследовавшие их русские матросы прижимали десантников к отвесным высоким обрывам. Спасаясь от пуль и штыков, англичане и французы ссыпались вниз, разбивались и калечились. Те же, кто нашел спуск к воде по западному склону, оказались вдалеке от места высадки. С кораблей видели происходившую на берегу трагедию. Еще в 11 часов бриг «Облигадо» подошел к перешейку и занял позицию впереди фрегата «Президент», а западнее его вне выстрелов встала «Эвридица». Заметив десантников, прижатых к берегу

недалеко от перешейка, с кораблей для их эвакуации отправили пять ботов. В то же время Бьюорридж у батареи № 7 тоже стал эвакуировать десант. Часть его отряда построилась за батареей, прикрывая огнем выбегающих из кустов и оврагов людей ля Грандьера.

Потери союзников росли. Оказавшись на гребне горы, русские моряки увидели внизу толпящихся возле лодок врагов. «При выгодах своего положения, — вспоминал мичман Фесун, — мы могли бить неприятеля на выбор, пока он сидел, и даже когда он уже сидел в шлюпках. Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы виде-

ли английский баркас, сначала битком набитый народом, а отваливший с 8 гребцами; все остальное переранено, перебито и лежало грудами, издавая страшные, раздирающие душу стоны. Французский 14-весельный катер был еще несчастнее и погреб назад всего при 5 гребцах. Но при всем том и при всей беспорядочности отступления удивительно упрямство, с каким эти люди старались уносить убитых. Убьют одного — двое являются взять его; их убьют — являются еще четверо; просто непостижимо».

12 16 охотников-камчадалов, «обыкновенно убивающих бобра в головку, чтобы не испортить шкурки», подкрались за камнями почти к самому берегу и стали бить офицеров и сержантов. Так погиб командовавший десантными судами лейтенант Бурассе. Корабли пытались прикрыть эвакуацию десанта, стреляя из пушек по русским на гребне и утесах. Но их ядра перелетали гору или ударялись в ее основание, не причиняя вреда. К 11:30 все закончилось. Большинство баркасов вышли из зоны огня и были взяты пароходом на буксир. В 11:45 «Вираго» взял на буксир «Форт» и повел его к противоположной стороне бухты. Последние баркасы догоняли его на веслах. Пятичасовое сражение завершилось полным поражением союзников.

В 13 часов в Петропавловске ударили отбой. Партии и отряды собрались у порохового погреба, где построились в каре и совершили государственный молебен. Затем моряки спели гимн «Боже, царя храни», после чего была отслужена панихида по павшим воинам. Победа досталась защитникам дорогой ценой. Погиб 31 нижний чин, лейтенант князь А.П. Максутов, инженер-поручик К.О. Мровинский и 63 нижних чина получили ранения, капитан-лейтенант В.К. Кораллов — контузию. У подножия Никольской горы вырыли две большие могилы, в одной из которых похоронили павших защитников города, а в другой 38 убитых англичан и французов, найденных на горе и на берегу, в том числе четырех офицеров.

Общий урон союзников оказался существенным. У англичан погибли капитан Паркер, 14 матросов и 12 морских пехотинцев; тяжело ранены лейтенанты Клеменс, Говарт, Пальмер, 28 матросов и 24 морских пехотинца; легко ранены лейтенанты Блонд, Куллем, Морган, мичман Чичестер, мэт Робинсон, 15 матросов и шесть морских пехотинцев. Таким образом, потери британцев составили 108 человек: 27 убитых и

81 раненый. Из последних некоторые умерли позднее, в результате чего безвозвратные потери выросли до 33 человек. Французы потеряли 26 убитых, в том числе лейтенантов Лефевра, Бурассе и мичмана Гикель де Туша, а также 76 раненых.. Всего Петропавловская экспедиция обошлась союзникам в 210 человек — 59 убитых и умерших от ран и 151 раненого.

Возможно, что в число убитых союзники записали всех моряков, не вернувшихся из десанта. Однако четырех матросов защитники Петропавловска взяли в плен. Из них раненного французского матроса нашли в ущелье на северном склоне Никольской горы. Матроса с «Форта» Пьера Ландорса захватили у края обрыва совершенно обезумевшим от страха и забившимся в расщелину. Оба англичанина попали в плен тяжелоранеными, один из них вскоре умер. Остальные трое после окончания войны вернулись домой. Победителям достались семь офицерских сабель, 56 ружей и множество амуниции. Когда через неделю после боя в Петропавловск пришел корвет «Оливуза», его команда была удивлена экипировкой встречавших их боцмана 47-го экипажа Шестакова и пяти гребцов. «Когда они вышли на палубу корвета, — вспоминал один из офицеров, — то костюмировка их поразила нас своим разнообразием: у одних были английские шапки, у других французские пояса с патронами и т.п.». Самый же дорогой трофей обнаружили на побережье: в руки победителей попало знамя британской морской пехоты.

На следующий день союзники не предпринимали активных действий и хоронили своих убитых. Потерпев поражение, контр-адмирал де Пуант окончательно решил покинуть Камчатку. Два дня его корабли чинили полученные в бою повреждения. Утром 27 августа вражеская эскадра снялась с якоря и в 9 часов вышла из Авачинской губы, отправившись к берегам Америки. В 11 часов в Петропавловске отслужили благодарственный молебен. Вечером губернатор дал офицерам большой праздник, во время которого единодушно было решено послать с донесением о победе командира батареи № 2 князя Д.П. Максутова. Но его отъезд пришлось отложить. У раненного князя Александра Петровича Максутова началась горячка, и 10 сентября он умер. Похоронив брата, Дмитрий Максутов отправился в путь. Через два месяца он, наконец, добрался до Иркутска, и вскоре Россия узнала о подвиге маленького гарнизона. 26 ноября

князь Максутов прибыл в Петербург к генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Глава морского ведомства сразу же повез офицера в Гатчину, где Максутов поверг английское знамя к ногам императора.

Николай I щедро наградил героев Петропавловской обороны. Генерал-майор В.С. Завойко стал контр-адмиралом и удостоился орденов Св. Георгия 3-го класса и Св. Станислава 1-й степени. Князь Д.П. Максутов получил орден Св. Георгия 4-го класса. Всех офицеров произвели в следующий чин и, кроме того, большинство наградили орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом или Св. Анны 3-го класса с бантом. Все четыре гардемарина и оба юнкера «Авроры» были награждены Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия и произведены в мичманы. Награды нижних чинов оказались скромнее. Им послали 18 Знаков отличия Военного Ордена Св. Георгия, из которых шести удостоились моряки с «Авроры». Из остальных 12, кресты получили боцманы 47-го экипажа Спилихин и Шестаков, боцманмат Тимофеев, унтер-офицер Абубакиров, рекрут Сунцов и др. Кроме того, 26 августа 1856 г. защитникам Петропавловска в виде особой награды разрешили носить бронзовые медали в память Восточной войны не на общей для всех голубой андреевской ленте, а на боевой георгиевской.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев просил еще генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича наградить 47-й флотский экипаж Георгиевским знаменем, а фрегат «Аврора» Георгиевским флагом. К сожалению, просьба осталась без удовлетворения. Но память о славной победе на всегда осталась в российском флоте. Название «Петропавловск» последовательно носили шесть боевых кораблей, включая самые мощные броненосцы и линкоры.

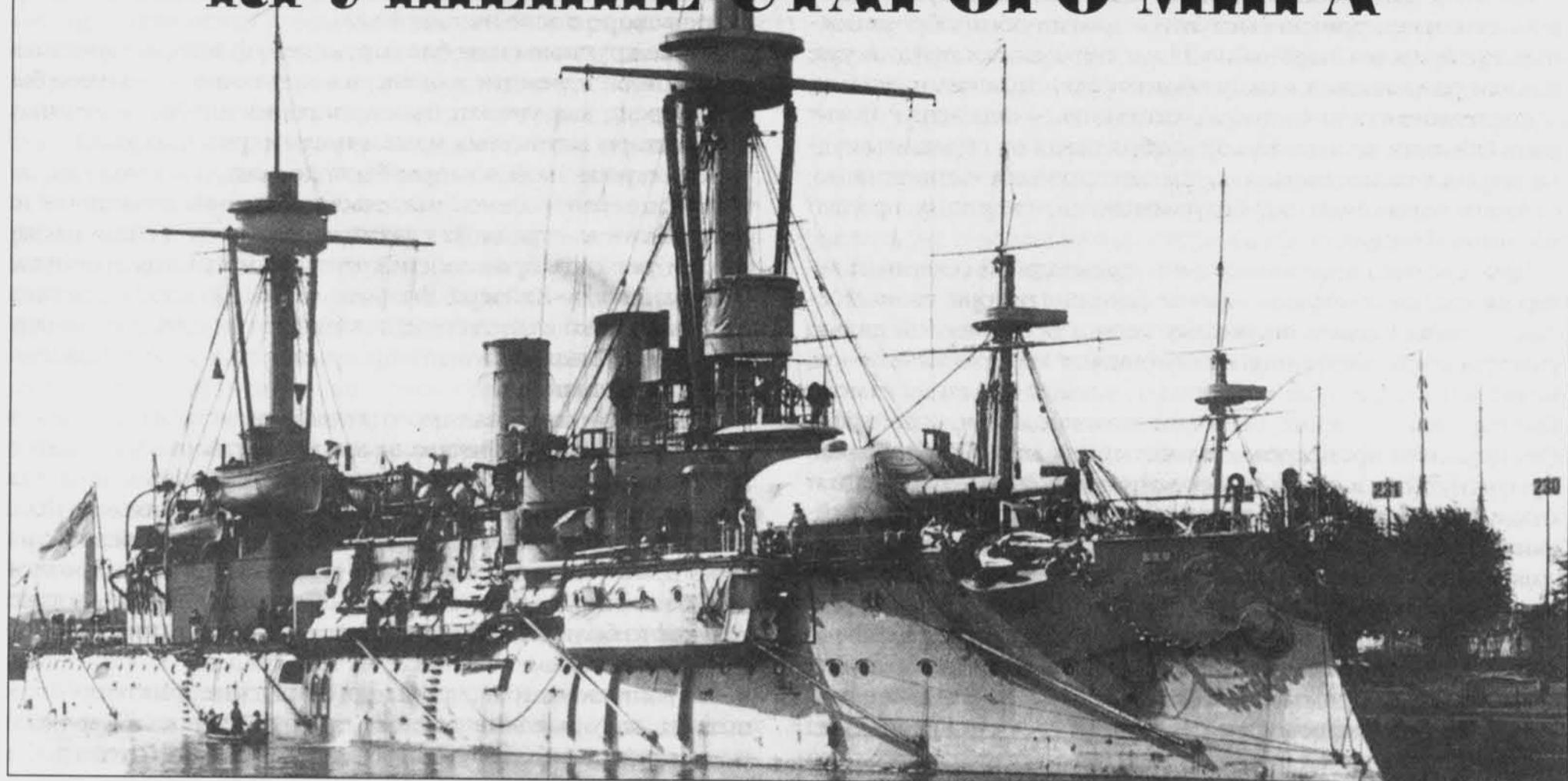
Победа при Петропавловске является одним из героических событий в российской военной истории. Это достаточно редкий пример, когда и за рубежом всегда высоко оценивали действия русских сил, не придумывая лукавых оправданий и полностью признавая поражение союзников. Вспоминая 1854 г., военный министр граф Д.А. Милютин писал: «Известие об успешном отражении неприятеля на самой отдаленной окраине империи, на пункте, считавшемся почти беззащитным, было как бы мгновенным слабым проблеском на тогдашнем мрачном горизонте».

ЗЕЕШТЕРН

Продолжение

1906 ГОД.

КРУПНЕНИЕ СТАРОГО МИРА

13

МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕЛЬГОЛАНДЕ

После бомбардирования Куксхафена деятельность обоих флотов в Северном море ограничилась взаимным наблюдением друг за другом. Время от времени происходили довольно невинные перестрелки между крейсерами передовых отрядов, но неприятель, по-видимому, решил ничего серьезного не предпринимать до присоединения к своей эскадре главных сил французского броненосного флота и большей части своих броненосных крейсеров из Северного моря. Но этот момент отсрочивался все больше и больше, так как для снаряжения находившихся на верфях и арсеналах Бреста и Шербура судов понадобилось гораздо больше времени, чем предполагалось во время обсуждения совместного плана атаки.

Ввиду этого, североморскому флоту пришлось отказаться от первоначального намерения развернуть серьезные действия при устье Эльбы и при Вильгельмсхафене одновременно с нападением на Кильскую гавань, и ограничиться ложной атакой, встретившей энергичный отпор с германской стороны. За этот бой, длившийся всего два часа, французам пришлось поплатиться крупным броненосным крейсером. Сделанная прежде ночная попытка — вроде Порт-Артурской — заградить устье Эльбы с помощью нагруженных цементом старых и пришедших в негодность английских броненосных судов — также потерпела неудачу, благодаря бдительности германских крейсеров, загнавших тяжелые транспортные суда на мелководье.

Так как сомнений не могло быть в том, что английский флот поджидает только прибытия французских броненосцев североморской эскадры, то германскому флоту оставалось воспользоваться этим временем и предупредить неприятельское нападение. При наступлении вечера 15 апреля

суда типа «Кайзер» вышли из Кильской гавани и незамеченные неприятелем прошли каналом в Брунебюттель.

На следующее утро неприятель также не заметил отсутствия этих броненосцев в гавани. С наблюдательной станции воздушного шара, непрерывно носившегося над английским блокирующим флотом, никакой перемены на рейде заметить нельзя было, так как на местах, где стояли отплывшие теперь пять судов типа «Кайзер», были укреплены на бакене два броненосца береговой обороны, тяжело пострадавшие при пожаре на верфи, и три крейсера типа «Газелле». На таком большом расстоянии разницу трудно было заметить.

В Вильгельмсхафене и Бремерхафене, где были расположены у форта Везера броненосцы береговой обороны «Бевульф» и «Фритьюф», а также в Куксхафене, куда прибыли 16-го утром суда типа «Кайзер», было сделано распоряжение о вовлечении неприятеля — по возможности, в тот же день, 16 апреля, в пасхальный понедельник — в стычку на передовых позициях Куксхафена, и вслед за этим предпринять одновременную атаку и из других портов. Такой план был выработан на основании наблюдений последних недель.

Когда в море выходила броненосная эскадра, расположенная в устье Эльбы и состоявшая из четырех судов типа «Виттельсбах» и «Кайзер Вильгельм II» (причем последние составляли резерв у Брунебюттеля) и намеревалась принять участие в перестрелке передовых сторожевых судов, — неприятельские суда каждый раз отодвигались, приближаясь к своему флоту, и едва до них начинали достигать германские гранаты, неприятель ловко отступал, оставляя германские боевые суда вне пределов досягаемости своей тяжелой артиллерии. Германской эскадре оставалось только возвращаться в устье Эльбы, если она не желала рисковать исходом ввиду превосходства неприятеля. Несколько раз повторялась эта игра, и среди германского войска закипала глухая ярость от того, что неприятель не давался в руки.

На заставке: Броненосец «Верт»